

A movie poster for 'Абиссинец 10'. The central image shows a man and a woman in historical or period clothing. The man, on the left, has a large, curly brown wig and a mustache, wearing a dark, high-collared tunic with a brown leather strap across his chest and a belt with a pouch. A rifle is visible behind his shoulder. The woman, on the right, has long blonde hair in a braid, wearing a patterned headscarf and a green dress with a floral pattern and lace trim. They are standing on a rocky outcrop overlooking a valley with a river, forests, and mountains under a blue sky with clouds.

АБИССИНЕЦ 10

— ★ — 1890 — ★ —

СЕРГЕЙ НАСОНОВСКИЙ ♦ СЕРГЕЙ ЩЕРБАТЫХ

Сергей Насоновский
Абиссинец 1890. Том 10

«Автор»

«Автор»

2026

Насоновский С.

Абиссинец 1890. Том 10 / С. Насоновский — «Автор», «Автор»,
2026

Продолжение приключений кубанского казака Андрея Громова в 1889 году. Он добрался до русской земли. Казалось бы, самое страшное осталось позади: Сагалло, французская петля, Красное море, чужие порты и долгий путь на окраину Империи. Но Уссурийский край быстро дал понять: испытания еще не закончились. Чужая память воина из будущего уже не просто подсказывает, как выжить. Она меняет Андрея, заставляет взрослеть быстрее и помогает искать свое место в мире конца XIX века. Абиссинец — приключенческий роман, основанный на реальной истории. Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это АИ. Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов.

© Насоновский С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Как две капли воды	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых

Абиссинец 1890. Том 10

Глава 1. Как две капли воды

Семен отстранился, придерживая брата за плечи, и еще раз всмотрелся в его лицо.

— Здоров ли, Вась?

— Здоров, Семка. Слава Богу.

Филипп подал батюшке крест. Отец Василий оглянулся, сжал Семену руку, еще раз обнял его и вернулся к людям. Я передал Рыжему папаху, приложился ко кресту и отошел. Семен остался у крыльца дожидаться отца Василия.

Пелагея Александровна уже собирала нас к ужину. Я передал приглашение Рыжему и Ильке. Крестный батюшку пригласил сам.

— Обязательно придем, — ответил Семен и вновь уставился на брата.

Саша попросила, чтобы я долго не задерживался, и пошла с Пелагеей помогать собирать к столу. Я же позвал Олега за Беркутом.

В станичной конюшне вороной стоял уже вычищенный, с разобранной гривой. Я провел ладонью по спине, осмотрел ноги. Все было в порядке.

— Благодарствую, Матвей.

Конюх передал мне повод и отворил ворота. У стены стояла подвода с бочкой.

— Воду до сих пор с дальнего колодца берете? — спросил Олег.

— А как иначе? Завтра еще раз попробуем конюшенный колодец вычистить. Ила там много, будем выбирать, да сруб снизу осмотреть надо. Может, получится опять воду из него брать, а то к дальнему-то с бочкой не наездишься. Ну а коль не получится, будем новый копать.

Он кивнул на закрытый досками колодец возле конюшни.

— Давно засорился?

— Да вот как вы из станицы ушли, две недели дожди лили, так он, почитай, и забился.

Я вывел Беркута. Олег прикрыл за нами ворота.

У Кравцовых мы поставили коня на прежнее место. Пеструшка потянулась из соседнего денника, а Беркут ответил ржанием.

— Пора мне свою конюшню ставить, — сказал я. — Курень есть, сарай есть, а за лошадьми все к вам хожу.

— Так с Фомичом поговори. Еще немного протянешь — и до осени к нему не подступишься. Тут всем строиться надо.

— Да, вижу, Фомич нарасхват. С делами на базу управлюсь и завтра встречусь.

Олег подхватил пустое ведро, я задвинул засов, и мы пошли в дом.

В горнице уже суетился дядька, Илька помогал ему придвинуть лавку. Мы вымыли руки в сенях. Татьяна протянула мне полотенце и тут же пожаловалась, что Олег ее к пчелам не пускает.

— Завтра сами сходим, — пообещала Саша, — а потом смастерим тебе свой небольшой улей. Будет у тебя мед, да не простой, а самый сладкий и душистый на всей Уссури.

Татьянка от радости показала Олегу язык и убежала в женскую часть дома.

— Пока всех не дождемся, за стол не суйся, — строго предупредила Акулина Никитична, заметив, как Олег потянулся к столу.

Крестный сел возле дяди.

— Аркаша, про остальное завтра в правлении договорим?

— Завтра. Сегодня давай без службы.

— Добре. Отдохнуть вам надобно.

Дверь в сени открылась. Семен пропустил вперед брата, а мы поднялись.

Отец Василий пришел в простой темной рясе, без праздничного облачения. Пелагея Александровна подошла под благословение, за ней — Акулина Никитична. Татьяна встала рядом с бабушкой и сложила ладони на груди.

Крестный представил нас батюшке, затем указал на свое место у образов.

— Прошу, отец Василий.

— А вы, Степан Анисимович?

— Я рядышком.

Семен устроился неподалеку от брата, я сел напротив. Женщины заняли отдельный стол возле печи. Саша подвинула лавку, пропуская Татьянку к бабушке.

— Благословите трапезу, батюшка, — попросил крестный.

Все вновь встали и повернулись к образам. Отец Василий прочел молитву, мы ответили, перекрестились. Он благословил пищу и питье, и только тогда Пелагея Александровна подала щи.

На столе, помимо хлеба, стояла миска с приправленными молодыми побегами папоротника, собранными совсем недавно. На большом блюде лежали куски обжаренной рыбы, рядом — соленые ястыки, заготовленные еще осенью. Тут же был кружок с моченой ягодой, обильно сдобренный медом, кувшин с узваром, томленая репа с морковью и печеный картофель.

От щей шел пар, пахло капустой с грибами. Я отломил еще горячего, хрустящего хлеба. Постных щей тетка Поля не пожалела: ложка в них едва проворачивалась. Шел Петров пост, поэтому скоромного на столе не было.

— А именинник-то у нас пропал на свой день, — вспомнила тетка. — Пятого июня девятнадцать стукнуло, а поздравлять некого было.

— Сам едва вспомнил, тетя Поль.

— Ну теперь-то точно не забудешь, — сказал крестный. Он вынул из-под стола небольшой сверток и протянул мне. — Ну, почитай, год прибавился, надеюсь, ума тоже не ubyло.

В свертке оказался отполированный латунный свисток, как у городских жандармов.

— Вот это вещь, теперь в тайге точно не потеряешься. — Семен попросил осмотреть подарок, покрутил в руках. — Да. С таким глядишь, тебя и жандармы останавливать никогда не будут.

Я отложил свисток в сторону.

— Благодарствую, крестный, неожиданно.

Отец Василий улыбнулся и отложил ложку.

— Степан Анисимович, день нам Господь даровал такой, что долго помнить его будем. Наши домой вернулись, я брата обрел. Тут еще и Андрея поздравляем. Не найдется ли у хозяина немного доброго вина?

Крестный погладил усы.

— Найдется, батюшка. Только ведь пост.

— Про пост помню, — кивнул отец Василий. — Немного виноградного нынче дозволяется. А с казачьим укладом я знаком не понаслышке, сам из казаков буду. Хоть рясу надел, а от родного обычая не отрекся. По малой чарке пригубить благословляю.

Он оглядел нас и добавил с улыбкой:

— За вас помолюсь, не сомневайтесь. Только и вы меру знайте, не задавайте мне работы до самого утра.

Крестный негромко засмеялся и повернулся к жене.

— Пелагея, слыхала, что отец Василий сказал? Неси бутылку.

— Слыхала, Степа, уже бегу.

Тетка Поля поднялась, сходил в сени и вернулась с темной бутылкой. Олег принес чарки. Крестный разлил понемногу вина, оставив бутылку возле себя.

Отец Василий благословил и поднял свою чарку.

— Здравия душевного и телесного на многие лета. Даст Бог не раз еще соберемся за этим столом.

— Спаси Христос, батюшка.

Меня поздравили со всех сторон. Семен потянулся через стол, коснулся своей чаркой моей. Я пригубил терпкого вина и поймал Сашин взгляд. Жена улыбнулась, чуть приподняв кружку с узваром в мою сторону.

Рыжий поставил чарку и опять повернулся к брату.

— Ты ешь, Семка, — негромко сказал Василий.

Дядя дождался, пока Пелагея Александровна сядет к женщинам, и обратился к крестному:

— Степан, дай парням пару дней на свои дела. По моей части срочных поручений нет.

— Дам. Только завтра на расчет явитесь, совсем не пропадите. А после надо команду принимать.

Я поднял голову.

— Приготовительную?

— А ты думаешь, на кой лад тебе свисток подарили? Будешь упражняться. Прохор с Бортеневым в конце июня в строевые уходят. Повседневные занятия Меренскому поручу, а ты ему помогать будешь.

— Мы ведь прежде иначе думали.

— Думали. Только ты то здесь, то тебя месяц нет. Ребятам каждый день заниматься надо. Тут крестный был прав. Из меня нынче вышел бы начальник, которого еще сыскать надо.

— Добре. С Саней сработаемся, да с таким свистком мы им зададим учебу по самое не хочу.

— Через пару дней соберемся, людей и имущество примете. Сперва сотни проводить надо, проводников им дать, дальние стоянки проверить, как Павел Федорович велел.

Саша посмотрела на дядю.

— Два дня, Аркадий Игнатьевич?

— Два, Александра. Сегодняшний вечер не считаем.

Она кивнула и продолжила что-то обсуждать с теткой.

Крестный взял чарку, в которой еще оставалось вино.

— Ну, теперь за ваше возвращение. Все трое опять дома, Аркаша тоже с нами. Дай Бог почаще за этим столом встречаться.

— И за тех, кто нас дождался, — добавил дядя, повернувшись к женщинам.

Мы пригубили еще по глотку. Саша улыбнулась мне со своего места, а тетка Поля пододвинула к дяде блюдо с рыбой.

— А мне через месяц семнадцать, — напомнил Олег. — Меня в новый состав запишете?

— Подойдет срок, запишем, — ответил крестный. — Только хозяйство на нас с матерью не перекладывай.

Я глянул на братца. Уже и вправду не просто за компанию увязаться просил.

— Будем с тобой заниматься.

— Я верхом ездю не хуже других.

— Знаю. Но у многих конь один на весь двор и дома помочь некому, так что не зазнавайся. С Меренским часы подберем, чтобы толк был. А пока можешь потихоньку сам готовиться, ты ведь видел, чему в приготовительной команде обучают. Как посвободнее буду, сбрую проверим, мишени приготовим.

Олег сразу оживился:

— Мишени я могу помочь сделать.

— Поможешь. Только батя тебе что сказал? После хозяйственных дел.

— Вы уж там со своей учебой в школе ребятишкам места оставьте, — вмешалась Пелагея Александровна. — Иван Викторович каждый день к школе ходит, все прикидывает, как классы готовить будет.

— Неужто уже готова? — спросил я.

— А то, как же! Сам видел, что под крышей уже стоит, — ответил крестный. — Осталось полы закончить, печь довести до ума да столы с лавками сладить.

— Сколько учеников в новом доме соберете? — спросил Василий.

— Зимой двадцать четыре было, — сказал Степан Анисимович. — Но тут уж младшие подросли, да скоро переселенцы придут, а там посмотрим. И с китайской слободки детей тоже туда будем пристраивать. Иван Викторович свое дело знает, о его уроках вся станица толкует. Некоторые дети уже книг перечитали столько, сколько их родители за всю жизнь не видели.

— И девчонкам места хватит? — подала голос Татьяна.

— Хватит всем, — ответил крестный.

Отец Василий повернулся к ней:

— А ты читать умеешь?

— Умею.

— Вот и хорошо. С Иваном Викторовичем поговорю, кому еще помочь надо. Когда помещение можно посмотреть?

— В любое время, — сказал Кравцов. — Только под ноги глядите, не везде настелено.

— Посмотрим. А как закончите, перед занятиями школу освятим.

Пелагея Александровна придвинула блюдо с картошкой к Семену. Тот спохватился и передал его брату.

— А содержание школы на общество ложится? — спросил отец Василий.

— Как зимой определили, так и будет, — ответил крестный. — Доход с выделенного участка ловли на реке школе должен идти. Чего не хватит, обществом добавим. Только с участием и учетом выручки еще до конца разобраться надо.

— И учителя поселить по-человечески пора, — сказала Акулина Никитична.

— Так он сейчас где живет? — уточнил батюшка.

— Раньше, как и вы, в гостевом доме жил, — ответил крестный, — а теперь съехался с одной нашей вдовой. Только говорить об этом не любит, думаю, сам вам расскажет. Так что и с его жильем вскоре решать будем.

Семен повернулся к брату:

— Ты сам-то, где устроился, Вась?

— Там же, в гостевом. Отдельная комната, все есть.

— Вот мой курень возведем, ко мне съедешь.

Он сказал это быстро и впервые за весь ужин широко улыбнулся.

— Спаси Христос, Сема.

— Пока твой курень поставим, отцу Василию уже дом возле храма возведем, — сказал крестный. — Ему ведь и к ранней службе выходить.

— Поближе к храму, конечно, удобнее, — ответил Василий. — Только учителя из-за меня не потесните.

— Всех устроить надо, — вздохнул Степан Анисимович.

Я посмотрел на Семена. Тот уже доедал щи, поглядывая на брата.

— Так ведь у нас теперь, помимо станичников, еще Фомич есть, — сказал я.

— Силантий Фомич постоянную артель уже собрал. Правда, еще одного хорошего плотника ищет, чтобы часть работы поручить и самому над душой не стоять. А то школа, общественные постройки, ваши дворы.

— Со мной он еще не считал, — сказал Семен.

— Место тебе приготовлено, лес тоже. Теперь с ним сговорись, с чего начнете и как платить станешь.

— Мне конюшню хотя бы на три денника, — напомнил я.

— Помню, Андрей. С Фомичом очередь согласуем, чтобы он вам обоим не наобещал больше, чем осилит.

Я подался к Рыжему:

— Завтра после расчета к школе пойдем. Погугорим с ним.

— Надо пораньше успеть работников застолбить, — согласился Семен.

— Степан Анисимович, а у меня на высылке тоже постройку просят, — подала голос Саша.

Я повернулся к ней.

— Кто?

— Эка оказия, Андрей, я же тебе не сказала. На высылке новые жилыцы. Семья из Петербурга на все лето приехала. Веденевы.

— Прямо целой семьей сюда добрались?

— Муж с женой и четверо детей. Константин Павлович прежде естественную историю преподавал, а теперь бабочек собирает.

Олег хмыкнул, но Саша продолжила:

— И гусениц держит. Записывает, когда появились, что едят, какая потом бабочка выйдет. Елизавета Андреевна рассказывала: часть денег им вперед дал петербургский заказчик коллекций, остальное свое. Константин Павлович с тамошними учеными переписывается.

— А выселок наш чем ему приглянулся?

— Лес рядом, луга. Ему каждый день по одним местам ходить надо, листья свежие приносить. Да решился... Как он сказал? Слово такое приятное... А, вспомнила: флору нашу изучить и образцы собрать для петербургского музея какого-то там. А дом, сам знаешь, просторный, на шестерых как раз подходит. Старшая дочь у него, Нина, семнадцати лет, записи помогает делать. Сергей за садками смотрит. Еще Лида с Мишей, но те совсем малые еще.

— Одних-то там оставлять опасно.

— Разъезды ежедневно заходят, — ответил крестный. — Велел, чтобы проводывали.

Саша отодвинула опустевшую миску.

— За полгода вперед уплатили. Летом собирать будут, осенью разберут коллекции, опишут и обратно в Петербург. Книг привезли — аж целая подвода приехала. Коробки со склянками, даже микроскоп маленький у них имеется. Теперь просят светлое дощатое помещение под садки. С окнами, полками, чтобы проветривать можно было.

— Так там же старый сарай имеется?

— В нем наше добро, пасечное тоже. Им отдельное надо. Я сказала: после твоего возвращения обсудим.

— Съездим, поглядим. И с ними посчитаем, кто за что платить будет.

Саша подошла собрать посуду и, принимая мою миску, добавила тише:

— Константин Павлович еще про винтовку спрашивал. Надежную купить хочет, на случай беды. Деньги есть.

— А ты когда туда собрался? — тут же спросил Семен.

Я посмотрел на него.

— Еще не решил.

— Тогда завтра у Глеба Маркеловича свое забрать надо, пока сотни не ушли.

— Эх, ты шустрый, Сема. Еще хабар не забрал, а уже покупателя присмотрел, — улыбнулся дядя.

Рыжий кивнул.

— Мне и курень возводить, и конюшню, поэтому медлить нельзя.

Отец Василий улыбнулся, глядя на брата.

Крестный заговорил о телеграфе:

— Уже вторую комнату просят. Парамон сердится: к нему люди с депешами прямо через стол тянутся. Еще и с этим за лето управиться надо.

— Водоотвод после большой воды держится? — спросил я.

— Фомич постоянно проверяет. По старой ложбине вода идет, как и рассчитывали. Внизу только камня еще подсыпать пришлось.

— А Дорохин с Трофимовыми чего не поделили? — вспомнила Пелагея.

— Проезд к покосу. Одним через двор короче, другой там огород разбил.

— Прежде ладили? — спросил отец Василий.

— Ладили. Да и теперь бы обошлись без ругани. В объезд ездить придется.

Пелагея Александровна принялась разливать чай. Илья передал батюшке хлеб. Тот поблагодарил и спросил:

— А твои родные, Илларион, здесь живут?

— В гасяне. Дед с сестрой. Я здесь по службе бываю.

— Далеко ваш гасян? Священник туда заходит?

— Бывает. Я крещеный, отец Василий. У нас весь гасян крещен.

— Давно?

— Я еще малым был. Только свои обычаи мы не бросили. Дед Пасса людей лечит, с духами общаться умеет. Я дедовому слову верю.

Отец Василий положил хлеб возле миски.

— Благодарю, что прямо сказал. Креститься можно за один день, а понимать принятую веру человек всю жизнь учится. Родных забывать она не велит. Познакомишь меня со своими стариками? Мне сначала послушать надо, как вы живете. А где во взглядах разойдемся, там и поговорим.

— Приезжайте, батюшка. Дед гостю рад будет.

— Благодарствую, Илларион.

Семен дождался своей кружки, но отставил ее в сторону. Расстегнул ворот, вытянул цепочку.

— Вась, глянь.

На ладони лежал потемневший крест с неровным краем. Василий наклонился, взял его двумя пальцами и повернул к свету.

— Мой.

— Матушкина насечка?

— Ее.

Батюшка выпустил крест, а Семен продолжал держать его на раскрытой ладони.

— Возле входа нашли. Я ведь тебя в доме слышал. Как ты вышел?

— В окно. Матушка меня из конюшни привела. Торопила, а я у двери шнурком зацепился. Она дернула меня за рубаху, крест и сорвался. Поднять не дала.

Семен кивнул.

— Я уже под полом был.

— Не знал я. Под лавку забился, когда они вошли. Матушка у порога осталась. Ее ударили, она упала. Потом дверь захлопнули. Уже дым шел, а она все пыталась подняться.

Василий провел ладонью по бороде.

— Я к ней полез. Она кричала: «В окно лезь!» Вытолкнул створку, вывалился во двор. Там и схватили. До коновязи донесли, поперек седла бросили.

Я подвинул к Семену кружку. Он даже не взглянул.

— А я по крышке бил. Думал, ты там рядом.

— Стук помню. Не разобрал откуда.

Семен спрятал крест под рубаху и застегнул ворот.

— Куда тебя увезли?

— Сперва в горы. Потом перепродали и за море увезли, к османам. Семь лет там пробыл.

— Батя тебя искал. Через купцов, через кого только не пробовал.

— До меня ни одной вести не дошло. Пока малый был, за скотиной ходил, со двора не выпускали. Потом другой хозяин купил. Тот у моря жил, посылал к пристани суда разгружать. Там я с одним матросом и заговорил. Когда тот ответил по-русски, я за рукав ухватил и отпустить боялся. Речь нашу понимал, только сам слова с трудом подбирал. Капитан к консулу меня передал. Через Одессу вернули. Четырнадцать мне уже было.

Семен придвинулся ближе.

— Почему же домой не пришел?

— В Одессе меня отец Кирилл приютил. Сам бы я без денег далеко не ушел. Он написал на Кубань, родных стал разыскивать. С хутора вы уже съехали, пришлось через правление узнавать. Ответ пришел: отец умер, а сын его, Семен Трофимович, погиб при пожаре.

Рыжий поднял голову.

— Я, что ли?

— Твое имя стояло. Помню, как сам по буквам перечитал. Я ведь не знал, что матушка тебя под пол спрятала. Думал, в горнице остался.

— Так это тебя погибшим записали, Вась. Меня казаки из голбца вытащили. Батя потом новый курень ставил, мы там и жили.

Василий смотрел на брата.

— Выходит, когда ответ готовили, имена наши перепутали.

— А ты поверил.

— Поверил. Ответ пришел из тех мест, где нас знали. Про отца день смерти указали, про тебя написали, что вместе с матушкой сгорел. Я и решил, что один остался.

Семен поднес руку ко лбу, прикрыв глаза.

— Меня после батиной смерти его товарищ к себе взял. Потом служба, Африка, сюда перебрался. А ты все это время жив был, выходит...

— Выходит, Семка, — ответил Василий. — Поминал вас обоих за упокой. Столько лет. Я опустил взгляд. Семен нащупал под рубахой крест, сжал его сквозь ткань.

— Батя тебя до последнего ждал.

Пелагея Александровна подошла с чайником, но не стала ничего спрашивать. Долила чаю Василию, потом Семену. Рыжий обхватил кружку обеими ладонями.

— А в монастырь как попал?

— Через того же священника. Он с новоафонскими монахами знаком был. Меня передал им, когда выяснилось, что домой возвращаться не к кому. К пятнадцати годам уже при обители жил. Работал, учился. Сперва даже за чтением поспевать не мог.

— Небось за нас двоих потом начитался.

Отец Василий улыбнулся.

— В семнадцать в семинарию поступил. Настоятель помог подготовиться. Шесть лет учился, потом на Новый Афон вернулся. Мальчиков грамоте и Закону Божию учил.

— А постриг, когда приняли, отец Василий? — спросила Акулина Никитична.

— В прошлом году, как двадцать пять исполнилось. К тому времени курс богословских наук окончил, учительское послушание нес. Разрешение получил. А в священники только этой зимой рукоположили, после диаконского служения.

— Значит, сперва учились, потом уж решили? — уточнил крестный.

— Решил раньше, Степан Анисимович. Только одного решения мало. Надо было проверить, смогу ли так жить. Настоятель мне прямо говорил: «С горя проситься в монахи легко, а обеты на всю жизнь даются».

Семен посмотрел на него.

— А теперь, когда меня нашел?

— Теперь брат у меня есть, Семка. От обетов мне ради этого отказываться незачем. Знать, Господь так устроил, чтобы ты своей дорогой пошел, а я — своей. А встретиться все же сподобил.

Рыжий кивнул и наконец отхлебнул чаю.

— Тебе помощь какая нужна, Вась... отец Василий?

— Ты меня уж Васькой зови.

Семен улыбнулся.

— Книжки-то разобраны? Или все в ящиках?

— Часть еще в ящиках.

— Помогу. И поговорим заодно.

— Приходи завтра после службы.

— Добре, Вася. Как по службе управлюсь, сразу к тебе. А письмо мое ты получил? Через Филарета в мае посылал.

— Нет. Я тогда уже в дороге был. Отец Филарет здесь сказал, что отправил в монастырь. От него о тебе и узнал.

— А тебя сюда назначали, не ведали, что я тут?

— Не ведали. В обители я говорил, что родных у меня не осталось.

Дядя взял свою чарку. На дне еще темнело вино.

— За вашу встречу, братья. Дай Бог теперь наговориться за все пропущенные годы.

Семен поднял чарку, посмотрел на Василия и протянул ему свободную руку. Батюшка сжал ее.

— Спаси, Господи.

Мы пригубили остатки вина в чарках. Крестный заткнул бутылку и передал жене. Пелагея Александровна убрала ее в сени, а вернувшись, собрала посуду.

Татьянка уже дремала возле бабушки. Олег тихонько тронул сестру за плечо, когда мы поднялись из-за стола. Вместе с отцом Василием поблагодарили Бога за трапезу.

Семен пошел проводить брата. Илья попрощался со всеми и вышел следом. Я задержался возле дяди на крыльце, пока Саша помогала Пелагее Александровне убрать со стола.

— Аркадий Игнатьевич, дальше, как служба будет идти?

— Вы пока по месту остаетесь, мы с Василием Петровичем дальше сами. Материалы сопоставим, барону доложим. Думаю, что в ближайшее время это дело в Хабаровке дождем.

За дверью Саша пожелала Акулине Никитичне доброй ночи.

Дядя положил руку мне на плечо.

— Ступай, Андрей. Нам всем отдохнуть нужно.

Я дождался жены, подал ей руку на ступеньках, и мы пошли к себе.

Дома Саша сняла платок и присела за стол. Я устроился рядом, обнял ее. Она положила голову мне на плечо. Некоторое время мы сидели молча, потом Саша повернулась и поцеловала меня.

— Спать хочется. А с тобой еще столько всего обсудить надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.